

Научная статья

DOI: 10.15593/2224-9354/2023.2.14

УДК 338.45(571.1/.5)

М.М. Стыров, М.А. Шишелов

МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ДУХОВНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В РАЗВИТИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Рассматривается развитие промышленности Севера России в новейший период 2000-х гг. Проанализированы показатели индекса производства (с 1990-х гг.), численности занятых, удельного веса в экономике, рентабельности активов, наличия основных фондов, уровня оплаты труда. Делается вывод, что в данное время хозяйственные процессы были в основном ориентированы на количественный рост и извлечение прибыли в интересах собственников, с сильной неблагоприятной зависимостью от зарубежных рынков. Отмечено, что северные регионы сохраняют и даже усиливают индустриальный профиль своей экономики, несмотря на некоторое общее движение страны в сторону сферы услуг. Исследование проводится также с целью оценить взаимовлияние материальной и духовно-нравственной сфер бытия. Подчеркнуто, что сегодня нужно менять отношение к человеку как к «капиталу» экономики. Показано противоречие между некоторыми процессами роста (например, резкого увеличения нефтепереработки) и сбережением здоровья населения. Важной проблемой авторы считают высокую пространственную и межотраслевую неравномерность развития производств, но отмечаются и положительные тенденции сглаживания. Сделаны некоторые предварительные оценки влияния военного конфликта на Украине на происходящие процессы и их перспективы. Предлагается сосредотачивать промышленное производство на удовлетворении внутренних нужд населения страны, с осторожностью относясь к возможным переключениям финансовых, торговых и технологических связей «с Запада на Восток». Но преобразование вектора развития должно происходить не только на уровне государственного регулирования, но и на ценностной основе ведения хозяйства, т.е. возвращении к историческим идеалам взаимопомощи, милосердия, нестяжания.

Ключевые слова: *промышленность, реальный сектор, северные регионы, человек, вера.*

Введение. В большинстве современных экономических доктрин есть такая особенность: материальная сторона рассматривается как цель бытия человека, а его духовный мир – в лучшем случае как средство достижения этой цели. Однако жизнь показывает, что это дает некоторый сравнительно кратковременный прирост благосостояния, но из-за пренебрежения душой оно вскоре разрушается или становится уродливым. П.А. Сорокин, например, писал: «Духовный и моральный хаос – неподходящая почва для творческих свершений, и в нашей культуре уже видны первые признаки вырождения подлинного творчества. Ко-

---

© Стыров М.М., Шишелов М.А., 2023

Стыров Максим Михайлович – канд. экон. наук, ст. науч. сотр. лаборатории финансово-экономических проблем Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», e-mail: styrovmm@mail.ru.

Шишелов Максим Александрович – канд. экон. наук, ст. науч. сотр. лаборатории проблем территориального развития Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», e-mail: shishelov.maksim@gmail.com.

нечно, в области физических наук и технологий творчество еще продолжает идти полным ходом. Но, как уже многократно случалось ранее, сейчас оно становится скорее деструктивным, чем конструктивным» [1, с. 116].

Иной путь указывает христианская вера. Она ясно говорит о соединении с Богом как о смысле земной жизни, а о трудолюбии, нестяжательности и милосердии – как о реализуемых в хозяйственной деятельности добродетелях, способствующих ее достижению. При этом человек всегда может рассчитывать на «хлеб насущный» через собственные усилия и помощь от Творца: «Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» [2, Мф. 6, 31–33].

Однако вера не должна сводиться только к обрядам и традициям, она всегда требует большого нравственного труда. А при его нехватке человек быстро поворачивает свою энергию от духовных идеалов к земным благам. В настоящей статье поставлена цель рассмотреть соотношение этих двух категорий в жизни народа на примере промышленности северных регионов России. Благо, что признание Высшей аттестационной комиссией в 2015 г. теологии в качестве научной дисциплины теперь позволяет это. Промышленность в данном случае выступает как средоточие так называемого «реального сектора», т.е. материального производства. А регионы Севера примечательны тем, что исторически они ассоциировались с особенной, русской духовностью. В советское же время, напротив, эти территории стали местом наиболее активного индустриального освоения. Ряд природных и законодательных особенностей определяет их специфический хозяйственный статус и в современной России.

Динамика промышленного производства. При отсутствии в сопоставимом виде данных по ВРП в разрезе отраслей за длительный период, наиболее объективное представление о динамике развития промышленности дает индекс промышленного производства (рис. 1).

Если в 1990-е гг. произошло почти двукратное снижение выпуска промышленной продукции, то с 2000 по 2021 г. в результате роста производства прежний объем в целом был восстановлен, кроме Республики Коми и Ханты-Мансийского АО (ХМАО). Северные территории заметно опережали общероссийскую динамику, преимущественно за счет углеводородного сырья, особенно в Архангельской области и на Сахалине. Для сравнения: в обрабатывающих производствах в пяти регионах объем производства 1991 г. к концу периода не был достигнут, а на Сахалине он снизился в пять раз. Это ярко характеризует специфику развития экономики в условиях «свободного рынка»: развитие получают наиболее рентабельные отрасли, или те, в которых заинтересованы иностранные агенты для своих цепочек добавленной стоимости, но не виды деятельности с позиции общей сбалансированности экономики, природосбережения и потребностей внутреннего рынка.

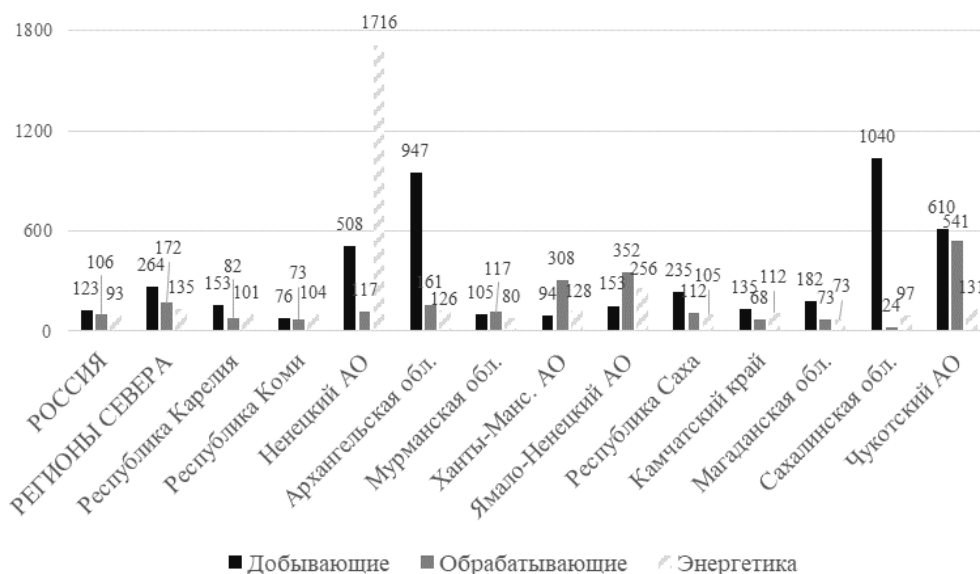

Рис. 1. Индекс промышленного производства в северных регионах России за 1992–2021 гг. (энергетика – без учета водоснабжения), % (рассчитано по данным Росстата [3])

Примечательно, что богатые регионы «пионерного» освоения советской эпохи (Коми, ХМАО) сегодня показывают снижение промышленного производства. Это связано как с исчерпанием запасов, так и с общим некоторым разворотом от материалистической экономики к поиску других смыслов о человеке. Сегодняшним лидерам подобного роста (Сахалин, Архангельская область, Чукотка, Ненецкий АО) следует помнить об этой скоротечности ресурсной модели. При этом похоже, что некоторым субъектам (ХМАО, ЯНАО) удастся параллельно перестроиться на развитие обрабатывающих отраслей, а в других они не выходят даже на докризисный уровень. Впрочем мы не склонны однозначно утверждать предпочтительность переработки над добычей. Важна ведь не только выгодность и устойчивость производства, но и влияние его на душу человека, а также складывающиеся вокруг отношения с другими отраслями, обществом и природой.

Энергетическая отрасль показывает самую скромную динамику роста. В привычных рыночных критериях это упущение, а с точки зрения сбережения, надежности, довольствования малым – положительно. Существенно особая от всех картина – в Ненецком АО, в котором в эти годы происходила модернизация устаревшей и разрозненной энергосистемы для нужд населения и добывающих компаний, в том числе за счет возобновляемых (ветровых) источников.

Доля промышленности в экономике. Представление об общей роли промышленности в экономике дает структура ВРП (табл. 1).

Таблица 1

**Удельный вес промышленности в ВРП
северных регионов России за 2004–2020 гг., % ***

Регион	Промышленность, всего			В том числе								
				добывающие ¹			обрабатывающие			энергетика и водоснабжение		
	2004	2016	2020	2004	2016	2020	2004	2016	2020	2004	2016	2020
Россия²	35,9	30,0	31,1	11,3	10,2	10,5	20,4	15,9	17,0	4,2	3,9	3,6
Северные регионы	51,9	50,4	53,7	38,9	39,8	40,8	8,6	6,9	9,7	4,4	3,8	3,2
Республика Карелия	32,1	34,1	36,3	8,7	12,3	16,8	17,3	16,5	15,9	6,1	5,3	3,6
Республика Коми	42,6	47,1	47,3	28,6	33,0	32,8	8,3	11,1	11,2	5,7	3,0	3,3
Ненецкий АО	76,3	73,8	78,9	74,9	72,8	77,2	0,3	0,2	0,3	1,1	0,8	1,4
Архангельская обл.	41,7	28,1	32,3	17,6	3,1	3,6	20,8	21,4	25,0	3,3	3,6	3,7
Мурманская обл.	48,9	29,0	44,4	18,7	14,5	8,7	21,8	8,5	32,9	8,4	6,0	2,8
Ханты-Мансийский АО	73,6	69,2	66,6	68,4	63,7	61,5	1,9	2,3	2,3	3,3	3,2	2,8
Ямало-Ненецкий АО	63,6	59,7	72,6	60,3	55,8	66,5	1,9	1,8	4,5	1,4	2,1	1,6
Республика Саха	46,8	55,3	54,3	40,6	49,6	49,1	3,6	1,0	1,1	2,6	4,7	4,1
Камчатский край	25,4	21,2	18,7	4,7	6,8	7,6	10,7	8,9	7,2	10,0	5,5	3,9
Магаданская область	50,4	46,9	61,9	31,9	38,8	56,2	6,3	1,7	0,9	12,2	6,4	4,8
Сахалинская область	29,7	56,4	61,6	17,0	52,1	55,5	9,6	2,7	4,1	3,1	1,6	2,0
Чукотский АО	18,6	57,2	59,2	6,4	46,3	45,5	3,0	0,4	0,2	9,2	10,5	13,5

*Рассчитано автором по данным Росстата [4].

Общая тенденция такова: в целом по России удельный вес промышленности в структуре ВРП снизился за 2004–2020 гг. с 35,9 до 31,1 % за счет всех трех составляющих: добывающих, обрабатывающих производств и энергетики. Одновременно уменьшилась и доля некоторых других элементов реального сектора: сельского хозяйства, торговли. Возрос за этот период удельный вес государственного управления (с 2,9 до 6 %), здравоохранения (с 3,5 до 4,6 %), операций с недвижимым имуществом (с 8,6 до 10,6 %), выделились новые разделы: деятельность профессиональная, научная и техническая (4,5 %); деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги – лизинг, туризм, охрана и т.п. (2,3 %); деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений (0,8 %); предоставление прочих видов услуг – бухгалтер и аудит, проектирование, подбор персонала и др. (0,5 %).

Это свидетельствует, что в данный период в стране происходило движение в сторону так называемой «постиндустриальной» экономики, в которой сфера услуг превалирует над материальным производством. Однако суммарно реальный сектор по-прежнему занимает около 70 % ВВП страны и говорить об его отмирании неуместно. Тем более что взгляды о почти полном исчезнове-

¹ Здесь и далее, если не указано иное, между кодами ОКВЭД в 2004 и 2020 гг. есть небольшие различия, не оказывающие, на наш взгляд, существенного влияния на общую картину.

² Как сумма ВРП субъектов.

нии данной области экономики сегодня ассоциируются с политикой глобалистов и неомальтузианцев и подвергаются большой критике [5].

По северным регионам удельный вес промышленности, во-первых, намного выше – более 50 % – за счет, разумеется, добычи полезных ископаемых, а доля обрабатывающих производств и энергетики, напротив, ниже. Во-вторых, он имеет тенденцию к увеличению в 9 из 12 субъектов, в результате чего общий показатель возрос на 1,8 %. Такая тенденция роста, впрочем, не абсолютная прерогатива Севера, а присуща половине всех субъектов Федерации, несмотря на результирующий спуск. В-третьих, обрабатывающие производства также немного увеличили свою значимость за счет пяти субъектов. Наконец, доля энергетики на Севере сокращалась гораздо быстрее, чем в целом по стране (в том числе за счет централизации отрасли в столице) и оказалась в итоге ниже, хотя изначально была выше.

За исследуемый период значительно увеличился выпуск продукции деревообработки, целлюлозно-бумажного производства, производства мебели (Республика Коми, Архангельская область, Ханты-Мансийский АО), изделий из бетона и гипса, химических веществ и химических продуктов (Мурманская и Магаданская области), пищевой промышленности (Камчатский край, Сахалинская область). Данное положение отражало высокий спрос на международных рынках на соответствующую продукцию [6–8].

Тем самым в северных регионах более ярко, чем в целом по России, проявилась в эти годы тенденция «разбухания» материального производства за счет экспортоориентированных ресурсных отраслей. Объясняется это недальновидной государственной и корпоративной политикой «развития ради роста», в которой главенствующими являются показатели прибыли и количественного расширения. Главными источниками финансирования в такой модели выступают зарубежные кредиты, оборудование завозится в готовом виде также из-за границы без освоения самих технологий, дополнительные работники привлекаются вахтовым методом из других регионов страны или из ближнего зарубежья, а полученные сверхдоходы за вычетом минимально возможных налогов и мер «социальной ответственности» выводятся в иностранные юрисдикции. Экологическая политика компаний также обычно нацелена на соблюдение неких «нижних» юридических норм без реальной заботы о природе и здоровье коренного населения. Главными выгодоприобретателями являются собственники денежного капитала, реже – российские, чаще – иностранные [9]. Такую политику принято называть «неоколониальной» [10]. Мы также указывали на порождаемые подобной политикой сверхвысокие разрывы в экономике [11] и на ее духовные предпосылки: понимание экономики не как средства, а как цели жизни, свойственное западной цивилизации [12]. Однако на протяжении ряда лет Россия показывает активное несогласие с данной концепцией жизни, а в настоящее время это перешло в активное военное противостояние.

Но очевидно, что в стране пока нет единодушия по поводу возвращения к традиционным духовно-нравственным ценностям: нестяжанию, любви и милосердию. Такой поворот должен совершаться в большей степени внутренним волевым решением человека, нежели государственной политикой. Впрочем на уровне органов власти тоже могут быть приняты важные меры по этому поводу: переориентация целевых показателей в программах и стратегиях, изменение образовательных программ, соответствующие изменения в культуре и социальной сфере.

В промышленности нужен переход от ресурсно-экспортной модели к работе по удовлетворению внутренних нужд населения. Вместо экспорта пиломатериалов в страны Европы, скажем, полезно возобновить производство деревянной мебели и домостроительных комплектов для внутреннего рынка [13]. Вместо экспорта сырой нефти – повышение степени ее переработки. Вместо экспорта металлов – развитие собственного машиностроения и т.д. Очевидной является и необходимость перехода от внешних источников финансирования к внутренним. Отчасти такие тенденции уже происходят. Благо, что предприятия пока не используют в качестве средства выживания сокращение работников и заработной платы, поскольку только сообща, в солидарности можно преодолеть возникшие внешние угрозы [14].

Очень актуальным видится отход от привычной всем концепции конкуренции в пользу сотрудничества [15]. Вполне уместным видится нам в сегодняшних условиях увеличение роли государства в экономике, не исключая при необходимости и перехода на полностью мобилизационный режим.

Необходимость такой трансформации чувствовалась давно, но не хватало ни политической, ни личной воли. Теперь же санкционная политика недружественных стран сама помогает осуществить это. Существует, правда, соблазн сохранить прежний образ хозяйственной деятельности через сотрудничество со странами Азии, которые также предлагают и финансовые, и технологические, и трудовые ресурсы в обмен на вывоз природных богатств низких переделов. Остается надеяться на благоразумие руководителей всех уровней, их духовное прозрение в различении истинных и преходящих ценностей. При этом подчеркнем, что если для многих политиков обозначенная дилемма видится лишь с точки зрения суверенитета и существования России как таковой, то в реальности обозначенные «традиционные» экономические моральные императивы являются не политической или культурной доктриной, а неотъемлемой частью именно православной веры [2].

Численность занятых. Численность занятых в промышленности северных регионов России за 2012–2021 гг. также выросла, несмотря на естественную и механическую убыль населения в этот период (суммарно на 1,6 %), снижение в целом по стране и снижение общей численности занятых в экономике этих субъектов (табл. 2).

Таблица 2

Численность занятых в промышленности северных регионов России
за 2012–2021 гг.³, тыс. чел.*

Регион	Промышленность, всего			В том числе								
				добывающие			обрабатывающие			энергетика и водоснабжение		
	прирост, %		2021	прирост, %		2021	прирост, %		2021	прирост, %		2021
	2012– 2016	2017– 2021		2012– 2016	2017– 2021		2012– 2016	2017– 2021		2012– 2016	2017– 2021	
Россия	1,2	-1,9	13425	3,7	2,8	1159	0,8	-2,0	9974	2,3	-3,6	2292
Северные регионы	0,2	1,5	1009	7,3	4,2	471	-5,9	1,4	326	-3,8	-3,9	212
Республика Карелия	-13,6	3,0	51,0	-8,1	-6,5	7,2	-18,3	6,3	32,5	-3,9	0,6	11,3
Республика Коми	-9,6	-7,2	75,3	-1,8	-18,0	22,2	-16,6	5,2	32,9	-8,0	-11,4	20,2
Ненецкий АО	24,9	-14,9	9,8	33,0	-18,5	7,1	-25,6	-1,6	0,6	17,6	-4,4	2,2
Архангельская обл.	-14,0	-3,2	108,9	53,7	0,1	3,5	-15,9	-1,9	88,6	-11,0	-10,0	16,8
Мурманская обл.	-11,2	7,2	83,3	-29,2	12,5	15,4	-6,1	3,9	41,4	-4,7	9,5	26,5
Ханты-Мансийский АО	12,9	2,1	346,9	10,6	3,0	235,6	51,0	3,3	64,4	-8,4	-3,7	46,9
Ямало-Ненецкий АО	8,6	6,4	126,5	8,1	11,6	92,5	28,5	-7,2	12,0	1,2	-4,7	22,0
Республика Саха	5,4	3,4	102,8	10,7	10,2	52,4	-6,8	2,7	19,1	5,6	-5,9	31,3
Камчатский край	-17,3	2,0	27,8	-7,1	16,0	3,8	-27,2	5,6	13,4	-2,2	-6,3	10,5
Магаданская обл.	12,6	5,7	24,1	28,1	23,2	15,2	-14,3	-23,4	2,6	4,7	-10,6	6,3
Сахалинская обл.	-9,3	-3,4	40,8	-11,7	-2,9	10,1	-13,1	-2,3	17,8	0,0	-5,3	12,9
Чукотский АО	-0,7	5,4	11,5	18,0	0,0	6,3	14,4	9,6	0,5	-20,2	13,1	4,7

*Рассчитано по данным Росстата [4].

Прирост характерен примерно для половины субъектов. Парадоксально, что существенное устойчивое снижение показывают Республика Коми и Сахалинская область, хотя удельный вес промышленности в этих регионах возрос. Отчасти это объясняется растущей производительностью труда, отчасти – опережающим сокращением объемов деятельности в других сферах экономики.

Основное увеличение зафиксировано в добывающих производствах, в обрабатывающих динамика нестабильная. В энергетике идет устойчивое сокращение. В целом эти данные подтверждают вышеприведенный вывод о преобладающей роли финансово мотивированных ресурсных отраслей в развитии промышленности.

Вместе с тем сегодня нужно менять отношение к человеку как к «капиталу» экономики [16]. Материальная сфера должна быть ресурсом для существования и развития человека, а не наоборот.

Рентабельность активов. Очень важным показателем является уровень рентабельности активов (рис. 2).

Наиболее высокая рентабельность отмечается в добыче полезных ископаемых: в 2020 г. она достигла 11,8 %, что выше как среднего по данному виду деятельности в других регионах России, так и существенно больше среднего по экономике. При этом разрыв увеличивается: в 2003 г. показатель составлял

³ Из-за различий между кодами ОКВЭД в 2012–2016 и 2017–2021 гг. темп прироста посчитан отдельно по этим двум периодам.

6,3 %, что соответствовало общехозяйственному уровню. Этим подтверждается, что рост за счет «локомотивной» схемы не всегда полезен, он усиливает внутренние противоречия. Довольно высокие значения наблюдаются в регионах, занимающихся добычей и экспортом металлов и драгоценных камней: Якутии (14 %), Магаданской (16 %) и Мурманской (20 %) областях, Чукотке (от 18 до 40 %), Карелии (около 40 %). В нефтегазодобывающих же территориях, кроме ХМАО, несмотря на очевидно благоприятную экономическую конъюнктуру и положительную динамику в других показателях, рентабельность активов была аномально низкой или даже отрицательной: -1,6 % в Республике Коми, -3,4 % в Ямало-Ненецком АО, -3,6 % в Ненецком АО. Это может быть следствием того, что в условиях идеи максимального обогащения, свободного ценообразования и непокрытых каналов утечки капитала высокие прибыли выводятся из регионов в материнские организации и за рубеж [18]. Если федеральному бюджету и удастся отчасти получать с данных потоков свои платежи в форме налога на добычу полезных ископаемых и экспортных пошлин, то для самих субъектов такая политика означает пренебрежение к трудящимся и проживающим в них людям. В нынешнюю эпоху возрождения и переосмысления патриотического воспитания самое время учить студентов и предпринимателей моральной ответственности за свою малую и большую родину, уплате налогов и поддержке нуждающихся не только по принуждению или взаимовыгодным договоренностям со властями, но и по внутреннему зову сердца, по стремлению к настоящему единству с окружающими.

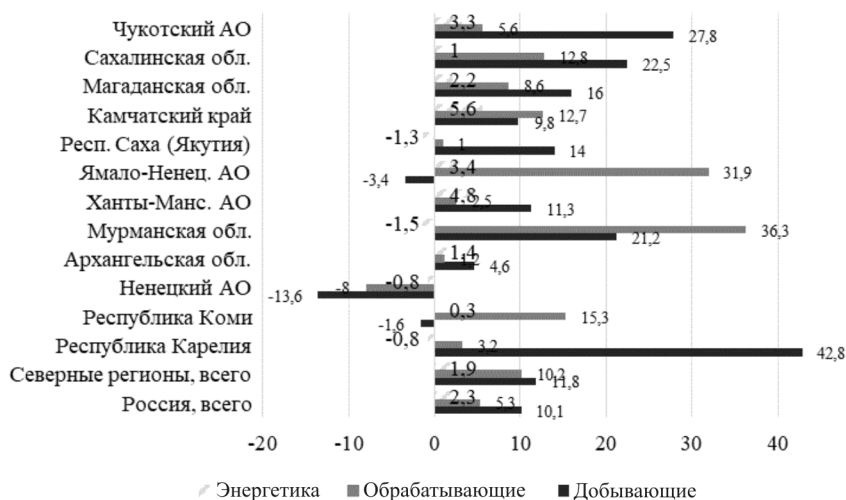

Рис. 2. Рентабельность активов промышленности в северных регионах России в 2020 г., % (рассчитано по данным Росстата [4, 17])

В обрабатывающих производствах в эти годы произошел значительный рост рентабельности активов – с 0 до 10,2 %. Действительно, оправившись от

потрясений 1990-х гг. и пользуясь благоприятными валютными курсами, многие предприятия осуществили за данный период модернизацию производства, освоили новые виды продукции, вышли на зарубежные рынки. Но нельзя забывать, что это может вести к большим межотраслевым разрывам и в итоге – к росту социальной напряженности и недовольства, несмотря на общее повышение уровня жизни в стране [19]. Среднеквадратичное отклонение показателя по регионам, например, увеличилось с 8,1 до 12,3. Весьма низким и даже отрицательным остается показатель в Ненецком АО (-8,0 %), Якутии (1), Архангельской области (1,2), Ханты-Мансийском АО (2,5), Карелии (3,2). Помимо прочих общеизвестных трудностей развития обрабатывающих производств в России, на Севере их положение усугубляется дополнительными возложенными законодательством затратами на предоставление льгот сотрудникам: повышенного МРОТ, сокращенного рабочего дня для женщин, увеличенного отпуска, оплаты проезда к месту отдыха и обратно. В локальном плане эта проблема могла бы решаться адресными компенсациями отдельным отраслям и категориям организаций. Но в стратегической перспективе надо задумываться о концептуальном переходе от идей «свободной конкуренции» к сотрудничеству и взаимопомощи между хозяйствующими субъектами [20].

Самые низкие коэффициенты рентабельности активов – в энергетике. Причем, в отличие от двух предыдущих, они устойчиво ниже среднероссийских, хотя значимость отрасли для жизнеобеспечения на Севере, несомненно, выше. Интересно, что разброс значений доходности между регионами за изучаемый период снизился, к тому же он значительно меньше других видов деятельности. Вывод таков, что когда стремление к прибыли сдерживается государственным регулированием, это имеет некоторые негативные последствия в виде, например, разбухания затрат, но в целом тут вполне видна возможность устойчивого функционирования отрасли. А проблему «нравственного оппортунизма» можно будет преодолеть тогда, когда мышление общества в целом и каждого отдельного человека возвысится до понимания нашей всеобщей взаимосвязанности и взаимответственности.

Основные фонды. Рассмотрим наличие основных фондов в промышленности северных регионов России (табл. 3).

Преобладающая часть (более 80 %) основных фондов промышленности Севера сосредоточены в добывающих производствах, а из них около 2/3 – в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. Однако темп роста в данном секторе был невысок и соответствовал среднеэкономическому. Опережающий рост в добыче полезных ископаемых был в этот период только в Архангельской области (7,8 раза, в связи с развитием добычи алмазов) и в Магаданской области (8 раз, добыча золота). Думается, эти цифры неслучайны и характеризуют наибольший покупательский интерес – к предметам роскоши. Но, хотя бы это и было выгодно для инвесторов и бюджета, отнюдь не приносит реальной пользы природе и простым людям.

Таблица 3

Наличие основных фондов в промышленности северных регионов России в 2010–2019 гг., в текущих ценах, млрд руб. *

Регионы	Экономика, всего		Промышленность, всего		В том числе					
	2010	2019	2010	2019	добывающие		обрабатывающие		энергетика и водоснабжение	
Россия	61805	165645	19484	58916	7389	22390	6751	20805	5344	15721
Северные регионы	14876	41279	6063	19300	5280	15667	265	2191	518	1442
Республика Карелия	242	517	71	164	21	54	33	64	17	46
Республика Коми	858	2754	263	975	183	610	55	306	25	59
Ненецкий АО	303	1067	253	986	251	980	0	0	2	6
Архангельская обл.	517	1293	77	334	8	62	55	226	14	46
Мурманская обл.	441	1442	143	412	49	197	42	99	52	116
Ханты-Манс. АО	6011	13895	3227	9316	3012	7493	32	1288	183	535
Ямало-Ненецкий АО	4554	13500	820	3214	714	2921	30	124	76	169
Республика Саха	637	2844	331	1232	252	929	7	14	72	289
Камчатский край	146	482	31	99	6	26	4	40	21	33
Магаданская обл.	104	361	41	216	15	121	1	1	25	94
Сахалинская обл.	1000	2913	778	2291	753	2214	6	28	19	49
Чукотский АО	63	211	... **	... **	16	60	... **	1	12	... **

* Рассчитано по данным Росстата, предоставленным по запросу.

** Данные не предоставляются в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных организаций, в соответствии с Федеральным законом от 29.11.2007 № 282-ФЗ (ст.4, п.5; ст.9, п.1).

Лидером роста стали обрабатывающие производства (8,3 раза) за счет следующих составляющих: Ханты-Мансийский АО (40 раз, нефтепереработка, 64 % суммарного прироста в обрабатывающих производствах), Камчатский край (10 раз, производство пищевых продуктов), Республика Коми (5,6 раза, нефтепереработка) и некоторые другие. Таким образом, основной финансовый интерес капиталовложений концентрировался вокруг околоресурсных производств. С одной стороны, это лучше, чем экспортировать нефть в сыром виде. С другой стороны, сверхвысокие цены на нефтепродукты внутри страны и несопоставимый со средним уровнем заработных плат в данной отрасли не позволяют выразить полное удовлетворение данным явлением. Также это было связано с резким увеличением количества автомобилей в стране, что выгодно для экономического роста, но вредно для здоровья населения и экологической ситуации.

В энергетической сфере основные фонды увеличивались сравнительно равномерно по всем регионам, в соответствии с общеэкономическими пропорциями. Это также показывает сбалансированность развития под государственным управлением, хотя бы и с некоторым ущербом для эффективности или количественного роста.

Оплата труда. В табл. 4 представлены данные о заработной плате.

Таблица 4

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата
на одного работника по полному кругу организаций
в северных регионах России за 2002–2021 гг., тыс. руб.*

Регионы	Экономика, всего			В том числе								
				добывающие			обрабаты- вающие			энергетика**		
	2002	2010	2021	2002	2010	2021	2002	2010	2021	2002	2010	2021
Россия	4,4	20,9	57,2	11,1	39,9	103,5	4,4	19,1	52,4	5,9	24,2	57,8
Северные регионы	9,1	32,3	79,0	16,8	55,0	122,0	8,0	30,1	77,5	9,4	34,4	77,8
Республика Карелия	4,7	20,1	49,6	8,0	29,5	72,8	4,5	18,0	46,5	6,1	24,2	51,6
Республика Коми	6,5	26,1	60,8	11,2	48,4	105,7	6,2	23,9	58,9	7,6	27,5	64,3
Ненецкий АО	12,6	47,3	95,7	24,8	70,3	142,2	8,2	38,4	89,0	10,3	43,1	71,5
Архангельская область	4,5	20,6	58,0	20,6	58,1	100,2	4,9	21,2	69,7	5,7	23,7	56,7
Мурманская область	7,2	29,3	76,6	8,2	36,9	101,8	7,7	28,8	81,5	10,9	39,7	80,1
Ханты-Мансийский АО	14,6	41,3	85,4	23,5	58,9	111,9	12,2	39,7	83,1	13,3	45,2	92,7
Ямало-Ненецкий АО	15,9	52,6	116,4	23,2	78,8	163,2	11,8	50,0	108,6	14,3	50,4	109,0
Республика Саха	8,2	28,7	84,5	14,5	51,6	133,6	6,2	23,2	66,0	7,6	25,5	72,4
Камчатский край	8,7	35,7	93,9	24,4	53,6	132,6	10,2	38,6	139,3	10,0	39,6	94,5
Магаданская область	7,4	36,6	112,9	7,8	49,3	155,2	8,3	26,7	102,8	7,4	35,3	92,5
Сахалинская область	7,0	35,8	94,3	12,7	86,8	234,3	5,5	28,2	79,6	6,9	30,5	78,3
Чукотский АО	13,5	46,9	130,7	9,6	52,3	151,2	12,1	39,3	78,3	11,7	49,6	155,0

* Рассчитано по данным Росстата [4, 17].

** В 2003 и 2010 гг. – включая водоснабжение.

В отношении заработной платы, напротив: северные регионы сближаются со среднероссийским значением. С одной стороны, это может быть частью общего процесса конвергенции, интеграции экономического пространства внутри страны. Но в некоторой степени это может свидетельствовать и о перекосе финансовых потоков в сторону прибыли в ущерб вознаграждениям за труд.

Кроме того, заметным является отставание промышленности от среднеэкономического темпа роста заработной платы. В эти годы происходило последовательное укрепление бюджетной сферы: повышение оплаты труда работникам силовых структур, образования, здравоохранения, государственной службы, что также свидетельствует о некотором повороте общества от материализма к более гармоничному развитию.

Несколько сократился разрыв между добывающими производствами и другими сферами. Если в 2002 г. здесь оплата труда на 85 % превышала среднюю по экономике и на 110 % – обрабатывающие производства, то к 2021 г. этот коэффициент уже равнялся 54 и 57 %, соответственно. И между самими регионами различия стали несколько мягче, если не считать резко выделяющейся Сахалинской области.

Вывод. Итак, анализ развития промышленности в этот период показывает существенную динамику роста, сопровождаемую, однако, некоторыми проти-

воречиями с духовными интересами российского народа. Настоящий момент требует преобразования вектора развития, как на уровне государственного регулирования, так и на ценностной основе ведения хозяйства.

Список литературы

1. Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. – М.: Проспект, 2006. – 152 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Русский синодальный перевод. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2020. – 1376 с.
3. Индексы производства // Официальный сайт Росстата. – URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 12.01.2023).
4. Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 12.12.2022).
5. Бодрунов С.Д. Ноономика. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
6. Буданов И.А. Формирование социальных ориентиров отраслевого развития металлургии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – № 5. – С. 85–99.
7. Чеснокова Е.С. Россия на мировом рынке рыбы и морепродуктов // Международная торговля и торговая политика. – 2016. – № 3. – С. 72–81.
8. Промышленное производство в России. 2021: стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 305 с.
9. Стыров М.М. Экстерриториальность финансового капитала промышленности: угрозы безопасности Севера России (по материалам Республики Коми) // Материалы VII Северного социально-экологического конгресса. – М.: Первая Оперативная Типография, 2012. – С. 302–307.
10. Глазьев С.Ю. Чума XXI века: как избежать катастрофы и преодолеть кризис? – М.: Книжный мир, 2020. – 288 с.
11. Стыров М.М. Регионально-отраслевой анализ с точки зрения идей солидарной экономики (на примере промышленности северных регионов России) // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2021. – № 4. – С. 85–98.
12. Мокир Дж. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 504 с.
13. Потенциал и перспективы развития лесопромышленного комплекса северного региона: моногр. / под ред. В.А. Ильина, Т.В. Усковой; ВолНЦ РАН. – Вологда, 2021. – 185 с.
14. Производственный сектор экономики Северо-Запада России: проблемы адаптации и перспективы функционирования в условиях санкций / Т.В. Ускова, Д.Б. Кувалин, Е.В. Лукин, Е.Ю. Широкова, Ю.В. Зинченко // Проблемы развития территории. – 2022. – Т. 26, № 6. – С. 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1

15. Ильин В.А., Морев М.В. Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 9–32. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.1
16. Лосев А.С. Принципы управления человеческим капиталом в цифровой экономике // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. – 2022. – № 3. – С. 132–147. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.3.10
17. Витрина статистических данных Росстата [Электронный ресурс]. – URL: <https://showdata.gks.ru/> (дата обращения: 12.12.2022).
18. Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 646 с.
19. Львов Д.С. Какая экономика нужна России? // *Экономические и социальные перемены в регионе*. – 2003. – № 20. – С. 3–15.
20. Стыров М.М. Конкурентоспособность и справедливость в жизни народа и предприятий северных регионов России // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. – 2020. – № 2. – С. 125–132.
21. Уровень и возможности повышения конкурентоспособности обрабатывающей промышленности северных регионов России / М.М. Стыров, Л.С. Носов, Д.В. Колечков, М.А. Шишелов // *Общество и экономика*. – 2022. – № 7. – С. 84–95.

References

1. Sorokin P.A. *Amerikanskaia seksual'naia revoliutsiia* [American sexual revolution]. Moscow, Prospekt, 2006, pp. 152 p.
2. Bibliia. *Knigi Sviashchennogo Pisaniia Vetkhogo i Novogo Zavetov. Russkii sinodal'nyi perevod* [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Russian synodal translation]. Moscow, Moscow Patriarchate, 2020, 1376 p.
3. *Indeksy proizvodstva* [Production indices]. Available at: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (accessed 12.01.2023).
4. *Edinaia mezhvedomstvennaia informatsionno-statisticheskaiia sistema Rosstata* [Unified interdepartmental information and statistical system of Rosstat]. Available at: <https://www.fedstat.ru> (accessed 12.12.2022).
5. Bodrunov S.D. *Noonomika* [Cultural revolution]. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia, 2018, 432 p.
6. Budanov I.A. *Formirovanie sotsial'nykh orientirov otraslevogo razvitiia metallurgii* [Working out social guidelines for the industry development of metallurgy]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2021, no. 5, pp. 85–99.

7. Chesnokova E.S. Rossiia na mirovom rynke ryby i moreproduktov [Russia in the world market of fish and seafood]. *Mezhdunarodnaia torgovlia i torgovaia politika*, 2016, no. 3, pp. 72–81.

8. Promyshlennoe proizvodstvo v Rossii. 2021: stat. sb. [Industrial production in Russia. 2021: Statistical collection]. Moscow, 2021, 305 p.

9. Styrov M.M. Eksterritorial'nost' finansovogo kapitala promyshlennosti: ugrozy bezopasnosti Severa Rossii (po materialam Respubliki Komi) [Extraterritoriality of the industry financial capital: Threats to the security of the Russian North (case of the Komi Republic)]. Proc. 7th North Socio-Economic Kogress. Moscow, Pervaia Operativnaia Tipografiia, 2012, pp. 302–307.

10. Glaz'ev S.Iu. Chuma XXI veka: kak izbezhat' katastrofy i preodolet' krizis? [Plague of the 21st century: How to avoid catastrophe and overcome the crisis?]. Moscow, Knizhnyi mir, 2020, 288 p.

11. Styrov M.M. Regional'no-otraslevoi analiz s tochki zreniia idei solidarnoi ekonomiki (na primere promyshlennosti severnykh regionov Rossii) [Regional-industry analysis from the point of view of ideas of a joint economy (using the example of industry in the northern regions of Russia)]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriadka*, 2021, no. 4, pp. 85–98.

12. Mokyr J. The lever of riches: Technological creativity and economic progress (Russ. ed.: Mokir Dzh. Rychag bogatstva. Tekhnologicheskaiia kreativnost' i ekonomicheskii progress. Moscow, Gaidar Institute for economic policy, 2014, 504 p.).

13. Potentsial i perspektivy razvitiia lesopromyshlennogo kompleksa severnogo regiona [Potential and prospects for timber industry complex development in the Northern region]. Eds. V.A. Il'in, T.V. Uskova. Vologda, VolRC RAS, 2021, 185 p.

14. Uskova T.V., Kuvalin D.B., Lukin E.V., Shirokova E.Iu., Zinchenko Iu.V. Proizvodstvennyi sektor ekonomiki Severo-Zapada Rossii: problemy adaptatsii i perspektivy funktsionirovaniia v usloviakh sanktsii [The manufacturing sector of the economy of North-West Russia: Problems of adaptation and prospects of functioning under sanctions]. *Problemy razvitiia territorii*, 2022, vol. 26, no. 6, pp. 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1.

15. Il'in V.A., Morev M.V. Spetsial'naia voennaia operatsiia vyiavliaet novye cherty grazhdanskogo obshchestva [The special military operation reveals new features of civil society]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2022, vol. 15, no. 5, pp. 9–32. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.1.

16. Losev A.S. Printsipy upravleniia chelovecheskim kapitalom v tsifrovoi ekonomike [Principles of human capital management in the digital economy]. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2022, no. 3, pp. 132–147. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.3.10.

17. Vitrina statisticheskikh dannykh Rosstata [Showcase of Rosstat statistical data]. Available at: <https://showdata.gks.ru/> (accessed 12.12.2022).

18. Katasonov V.Iu. Kapitalizm. Istoriia i ideologiiia “denezhnoi tsivilizatsii” [Capitalism. History and ideology of “monetary civilization”]. Moscow, Institute of Russian Civilization, 2013, 646 p.

19. L'vov D.S. Kakaia ekonomika nuzhna Rossii? [What kind of economy does Russia need?]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny v regione*, 2003, no. 20, pp. 3–15.

20. Styrov M.M. Konkurentosposobnost' i spravedlivost' v zhizni naroda i predpriatii severnykh regionov Rossii [Competitiveness and justice in the life of people and enterprises in the Northern regions of Russia]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa. Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniia i venchurnogo investirovaniia Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 2, pp. 125–132.

21. Styrov M.M., Nosov L.S., Kolechkov D.V., Shishelov M.A. Uroven' i vozmozhnosti povysheniia konkurentosposobnosti obrabatyvaiushchei promyshlennosti severnykh regionov Rossii [Level and opportunities to increase the competitiveness of the manufacturing industry in the Northern regions of Russia]. *Obshchestvo i ekonomika*, 2022, no. 7, pp. 84–95.

Оригинальность 77 %

Поступила 01.03.2023

Одобрена 15.03.2023

Принята к публикации 11.05.2023

M.M. Styrov, M.A. Shishelov

MATERIAL AND SPIRITUAL INTERESTS IN INDUSTRIAL DEVELOPMENT IN THE NORTHERN REGIONS OF RUSSIA

The article examines the development of industry in the North of Russia in the period of the 2000s. The indicators of the production index (since the 1990s), the number of employees, the specific weight in the economy, the profitability of assets, the availability of fixed assets, and the level of remuneration were analyzed. It is concluded that economic processes have been mainly focused on quantitative growth and profit-making in the interests of owners, with a strong unfavorable dependence on foreign markets. It was noted that the northern regions retain and even strengthen the industrial profile of their economy, despite some general movement of the country towards the service sector. The study is also carried out in order to assess the mutual influence of the material and spiritual-moral spheres of being. It is indicated that today it is necessary to change the attitude towards a person as a “capital” of the economy. A contradiction is shown between some growth processes (for example, a sharp increase in oil refining) and saving public health. The authors consider the high spatial and intersectoral unevenness of production development to be an important problem, but positive smoothing trends are also observed. Some preliminary assessments have been made of the impact of the military conflict in Ukraine on the ongoing processes and their prospects. It is proposed to focus industrial production on meeting the internal needs of the country's population, being cautious about the possibilities of switching financial, trade and technological ties from West to East. But the transformation of the development vector should take place not only at the level of state regulation, but also on the value basis of economic management, that is, a return to the historical ideals of mutual assistance, mercy, austerity.

Keywords: *industry, real sector, northern regions, human, faith.*

Maksim M. Styrov – Cand. Sc. (Economics), Senior Researcher, Institute of Social-Economical and Energy Problems of the North, FRC Komi Science Center of Ural Division of Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, e-mail: styrovmm@mail.ru.

Maksim A. Shishelov – Cand. Sc. (Economics), Institute of Social-Economical and Energy Problems of the North, FRC Komi Science Center of Ural Division of Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, e-mail: shishelov.maksim@gmail.com.

Received 01.03.2023

Approved 15.03.2023

Accepted for publication 11.05.2023

Финансирование. Статья подготовлена в рамках плановой темы ИСЭиЭПС «Реальный сектор экономики северных регионов России: проблемы и перспективы», рег. номер 1021051101719-3-5.2.1 и в рамках гранта Российского научного фонда № 23-28-01006 «Ресурсно-технологические факторы развития лесного комплекса России: методология и практика».

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов равноценен.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Стыров, М.М. Материальные и духовные интересы в развитии промышленности северных регионов России / М.М. Стыров, М.А. Шишелов // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2023. – № 2. – С. 190–205.

Please cite this article in English as:

Styrov M.M., Shishelov M.A. Material and spiritual interests in industrial development in the northern regions of Russia. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2023, no. 2, pp. 190-205 (*In Russ.*).